

Полный текст книги доступен по адресу
<http://parfirich.kohanov.com/m05.html>

Последняя точка в творчестве Владимира Высоцкого

Введение

Я не собираюсь писать о жизни и творчестве Владимира Высоцкого, занимаясь, каким-то сравнительным анализом обстоятельств, которые привели к стремительно возросшей его популярности, как автора-исполнителя песен, оттеснившего на второй, если не на задний план, большинство известных в то время бардов, включая Булата Окуджаву, но также многих любимых народом королей эстрады.

Я просто расскажу о том, как я воспринимал Владимира Высоцкого, в разные годы и в разных жизненных ситуациях. Каким считал и видел его человеком, вспоминая события тех лет, не в качестве наблюдателя из окна или через экран телевизора, а как человек, которому незачем прикрывать своё лицо и говорить шёпотом, будто оправдываясь, что он что-то не то или не так сделал в своей жизни или кому-то перешёл дорогу.

У каждого человека своя судьба. Одному повезло, что родился, когда можно было говорить, что угодно, без особого риска, что тебя за это сурово накажут, - другому нет.

Я попытаюсь сейчас кратко сопоставить судьбы совершенно не похожих друг на друга двух человек, которых разделяет кроме всего прочего расстояние длиной почти в 200 лет, когда они оба приобрели скандальную известность. Один, как вы уже догадались это Владимир Высоцкий (1938-1980), и этим, казалось бы, всё сказано, а второй Василий Кириллович Тредиаковский (1703-1768).

Общее у них только то, что их обоих можно считать настоящими реформаторами, - одного на попрание стихосложения, а другого в жанре песенного исполнения своих поэтических произведений. Но вот только, один из них остаётся до сих пор любимцем не только «почитателей изящной словесности», но и всего народа, а другой - до самой смерти будет восприниматься, как посмешище и объект для издевательств, всех кого раздражал его трактат «Новый и краткий способ к сложению российских стихов».

В изданном в 1735 году трактате была изложена система поэтических жанров классицизма и впервые в русской поэзии даны образцы таких её форм, как сонет, рондо, эпистола, элегия, ода, мадригал и эпиграмма. Вся предложенная Третьяковским реформа стихосложения была построена на национальной русской основе, и во многом определило дальнейшее развитие всей русской поэзии.

В 1766 году Василий Третьяковский издал одно из самых известных своих сочинений - стихотворный перевод с французского романа Франсуа Фенелона «Приключения Телемаха», получивший название «Тилемахида». Прозаическое произведение было переведено им гекзаметром (языком Гомера, в его поэмах героического характера), при этом Третьяковский ввёл в текст собственное вступление и к тому же, существенно переработал стиль самого автора.

Издание «Тилемахиды» произошло вскоре после восшествия на престол Екатерины II. Императрица усмотрела в поэме намёки на собственное царствование, и «Тилемахида» стала предметом насмешек и издевательств.

По свидетельству современников, при императорском дворе было установлено наказание: за лёгкую вину - выпить стакан холодной воды и прочесть из «Тилемахиды» страницу, а при большей провинности – выучить наизусть и декламировать шесть строк из этой поэмы.

В противоположность сложившимся представлениям о «Тилемахиде», Александр Сергеевич Пушкин, и о самой поэме и об её авторе, отзывался положительно, подчёркивая, что «Третьяковский был, конечно, почтенный и порядочный человек» и что «его филологические и грамматические изыскания очень замечательны». Говоря дальше о Третьяковском, Пушкин, также отметил, что «он имел в русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели М.В.Ломоносов и А.П.Сумароков», а «любовь его к Фенелонову эпосу делает ему честь, а мысль перевести его стихами и самый выбор стиха доказывают необыкновенное чувство изящного». Также Пушкин, в отличие от других, нашёл нужным отметить, что «в «Тилемахиде» находится много хороших стихов и счастливых оборотов».

Да, и трудолюбие Третьяковского можно было поставить в пример многим писателям и поэтам. Одни его стихотворные произведения составляют десятки тысяч строк, а переводы - десятки томов.

О творчестве Владимира Высоцкого чаще всего судят обособленно и однобоко, как о каком-то уникальном явлении или как о каком-то целостном, прочно сцементированном конгломерате исключительных качеств. А именно, как талантливого актёра, поэта и автора-исполнителя своих песен, с непредсказуемой во время сольных выступлений инструментовкой сюжета при актёрском воплощении в каждый озвученный им образ.

Хотя подобными приёмами пользовались и другие известные в то время барды, но никогда не доходили до такого совершенства в трактовке каждого образа, сопровождаемого по ходу развития сюжета песни, свойственной только ему интонацией.

В ней также отчётливо проявлялось к воплощаемому, артистическим талантом, образу человека, отношение к нему самого автора песни в широком диапазоне чувств, - от иронии до сарказма, до их полной противоположности, - от лёгкой грусти до полного отчаяния и скорби.

Это не говоря уже о его постоянной импровизации, с казалось бы, уже имевшими успех произведениями, судя по многочисленным вариантам и даже новым вставкам, что в итоге позволяло им производить более сильное эмоциональное воздействие на слушателей его песен и поэтому иметь ещё больший успех.

Следует отметить, наверно непревзойдённую до сих пор, в авторском исполнении песен, доведённую им до сценического восприятия, передачу наэлектризованной, казалось бы, до полного абсурда, атмосферы диалога сразу нескольких, легко узнаваемых в реальной жизни персонажей.

При этом сразу даже не понять, над чем нужно смеяться, а над чем поплакать. И тем более определить, чего больше в этих забавных сюжетах пародии, сатиры или обыкновенного беззлобного юмора, отражающего повседневную бытовую мораль, казалось бы, полностью опустившихся на дно жизни людей, но ещё не потерявших человеческий облик.

Можно ещё долго рассуждать о разносторонности таланта Владимира Высоцкого, но всё-таки нужно определить, в чём собственно заключается его основная заслуга, перед русской культурой и особенно в какой из её областей, от литературы до театра. И постараться при этом не разрушить целостности реально существовавшего образа, взвешивая на весах субъективных рассуждений, отдельно его, как поэта или сольного исполнителя своих авторских песен, или как театрально актёра, подчёркивая, что основная составляющая его таланта - только актёрское мастерство.

На мой взгляд, Владимира Высоцкого можно смело назвать таким же реформатором сценического исполнения положенных на музыку или сопровождаемых музыкой литературных произведений, особенно песен, как и Третьяковского с его практическим созданием новой системы русского стихосложения.

Также, на мой взгляд, вполне обоснованно можно считать Владимира Высоцкого, основоположником нового риторического жанра в музыкальном или песенном отображении поэзии. Можно сказать, что он впервые осуществил действительно качественный переход от чисто ораторских приёмов исполнения поэтических произведений к артистическому воплощению автора (автора-исполнителя или эстрадного певца) в образы сюжета исполняемых им, в основном своих (или чужих, но в своей манере исполнения), песен.

Новое, конечно, хорошо забытое старое, как и само слово, риторика – наука об ораторском искусстве, обязанная своим возникновением софистам античной Греции, и ставшая своей целью обучение красноречию.

Не останавливаясь на трактатах по риторике греческих философов, перейду сразу к Цицерону, согласно которому «ораторское слово должно приближаться к поэтическому», которое не нужно «нагромождать искусственными украшениями», и если уж подражать древним философам, то только в самом главном, – «в ясности и в соответствии речи чувству и мысли». С начала прошлого века в результате развития «политического и других видов красноречия, происходит упразднение условных законодательных правил ораторского искусства». В результате риторика возвращается на путь наблюдения, намеченный ещё Аристотелем, при этом расширяется и понятие о ней, как о самой науке, в результате чего из неё вообще исключаются положения о стиле изложения «материала», и она начинает одинаково относиться и к прозе, и к поэзии, образуя при этом особый отдел стилистики.

Для справки в литературоведении стилистикой называют раздел теоретической поэтики, изучающий художественную речь.

Владимир Высоцкий, как никто другой, обогатил риторическими приёмами свои поэтические произведения, но наибольшего успеха добился при исполнении своих песен, особым, и не таким уж, как может показаться простым, хотя и понятным любому человеку доходчивым употребляемым повсеместно в быту языком. А самое главное в его творчестве заключалось то, что он мастерски владел свойственной только русскому народу интонацией в речи, мог легко перевоплотиться в любой образ, по ходу (фабуле) сюжета каждой, исполняемой им, песни. При этом в своих песнях он мог не только одновременно вести диалог главных героев, но и вставлять в «спор» реплики сразу нескольких легко узнаваемых в жизни персонажей, да ещё и комментировать «этот спектакль», словно стоящим в сторонке конферансье и только аккомпанирующим на гитаре, находящимся внутри него артистам.

Сейчас многие делают неуклюжие попытки поставить Владимира Высоцкого с кем-то из великих поэтов (Пушкиным, Лермонтовым или Некрасовым) в один ряд, при этом

даже не задумываются, какую они несут чушь, даже сравнивая его популярность в народе с Сергеем Есениным, не забывая как бы, между прочим, упомянуть такого поэта, как Владимир Маяковский.

Лиха беда-начало. Уже появились первые исследования сравнительного характера, как например: «Златоглавый «хулиган» и «златоустый блатарь» (Есенин и Высоцкий)» С.В.Вдовина (Александров, «Вересковый мед», 2005).. Этот автор, вопрос значимости для нашего общества личности Владимира Высоцкого, рассматривает даже несколько шире, чем «прочие литературоведы».

Он поставил его в один ряд не только с поэтами, а приплёл ещё и Николая Васильевича Гоголя, сказав, что Высоцкий тоже внёс «весомый вклад в сокровищницу русского языка» и поэтому находится «в одном ряду с И. Крыловым, А. Грибоедовым, А. Пушкиным, Н. Гоголем, Некрасовым и В. Маяковским».

При этом он даже, не упомянутого в этом списке, Сергея Есенина поставил ниже по популярности с Владимиром Высоцким, сославшись на то, что только более 50-ти цитат из произведений Есенина стали крылатыми, а у Высоцкого таких более 70-ти.

Сергей Вдовин в своём «научном труде» уверяет, что «по частотности цитирования в прессе и других СМИ, рядом с Владимиром Высоцким даже «поставить некого», потому что «фразы и реплики из его песен, не только на устах журналистов, политиков, литераторов и учёных», но также у всего простого народа».

Напоминаю, что все мной приводимые цитаты отредактированы, без изменения смысла, заложенного авторами в их трудах, применительно к содержанию данной статьи.

Что можно сказать, насчёт цитирования в СМИ «крылатых выражений» Владимира Высоцкого, по их частотности, оценивая на основании этого его популярность в народе, то и тут он далеко не на первом месте, как и любой другой писатель по сравнению с женскими прокладками и средствами от перхоти.

Частота цитирования Владимира Высоцкого говорит не столько о его популярности, сколько вообще о сегодняшней низкой культуре и образованности всех слоёв общества современной России, особенно в части того, что касается оставленного нам литературного наследия и познаний, связанных с историческим прошлым Российского государства.

Перед тем, как мне возразить, я рекомендую сначала обратить своё внимание на «Большой словарь крылатых выражений Александра Грибоедова («Горе от ума»)» изданный в издательстве ОЛМА (М., 2009), объёмом в 800 страниц. В этом словаре содержится 2000 словарных статей и более 10000 выписок из художественной, публицистической, научно-популярной литературы, а также прессы с 20-х годов XIX века до наших дней.

В связи с чем, я многим бы порекомендовал, перед тем, как громогласно делать какие-то выводы, соизмерить свои возможности с тем, что уже давно известно всем, кто ещё читает книги.

А главное поменьше руководствоваться и ссылаться только на одну информацию, найденную в Интернете, попавшую в его паутину, без всякой логически обоснованной системы и в самые неожиданные для её поиска места.

И пренебрегать полностью Интернетом сейчас тоже не стоит, к тому же даже глупо, потому что сейчас в библиотеках, в виду их бедственного положения, нет многого из того, что действительно представляет интерес из представленного материала на страницах малотиражных изданиях, или существующего только в электронном виде. В качестве примера, хотя бы обнаруженная мной в Интернете статья Владимира Нерсесяна о двух Владимирях – Маяковском и Высоцком.

Хотя в статье известного костромского журналиста Владимира Захаровича Нерсесяна (1950-2003) «Мы живём, чтобы воплотиться» (freemic.narod.ru > Ners/Istor_013.htm, копия) сопоставляются два Владимира - Маяковский и Высоцкий, и, по моему мнению, казалось бы, в этом вопросе, грубо говоря, любой «торг неуместен» - сопоставлять

несопоставимое в разных видах творчества, тем не менее, в его статье много из того над чем стоило бы задуматься и поразмышлять.

Поэтому я считаю, что статья Владимира Нерсисяна заслуживает того, чтобы мной её привести полностью, хотя бы потому, что во многом он, конечно, прав, как бы это не было грустно сознавать всем, кто был современником Владимира Высоцкого.

Я имею в виду возраст того современника, в котором он, чтобы не видеть, в какую пропасть катится наша страна, должен был быть, если не был действительно слепым (в смысле довольным своей жизнью человеком, номенклатурного толка) или вообще не просыхающим от пьянства забудыгой.

Наберёмся, терпения и послушаем этого человека, которого уже нет среди нас, в независимости от того разделяете Вы с ним или со мной своё мнение, или полностью не согласны с постановкой вопроса, - что Владимира Высоцкого можно с кем-то сравнивать, - потому что его не с кем сравнивать, вообще:

«Мы живём, чтобы воплотиться. Эти слова принадлежат известному советскому режиссёру Анатолию Эфросу. Но их справедливость подтвердит любой. Вопрос в том, во что воплотиться? Лучше известного советского поэта, Владимира Маяковского, не скажешь: «...В пароходы, в строчки и в другие долгие дела».

Однако, чтобы понять, во что ты будешь воплощаться, нужно сначала хотя бы иметь ориентиры.

Конечно, самый верный способ - это попробовать самому получать шишки и, в конце концов, выбрать. Но много ли можно постичь, идя своей одинокой тропинкой? На широкий асфальт нас часто выводят наши учителя. Их круг для каждого из нас велик и разнообразен, и каждый из нас находит своих учителей по-своему. Но есть и тот круг Учителей, который известен всем. Это те, кто составил гордость России. И среди них не последнее место занимают те, кто учил и зажигал словом. Слово это могло воздействовать по-разному.

По свидетельству одного из героев гражданской войны 1918–1922 годов Григория Лазо (брата другого героя - Сергея Лазо, сожжённого японскими оккупантами на Дальнем Востоке в паровозной топке) на одном из банкетов новой советской элиты единственный раз встретились двое великих русских поэтов - Сергей Есенин и Владимир Маяковский.

Дело в том, что они недолюбливали друг друга. Как вспоминает другой известный советский поэт, писатель и журналист Илья Эренбург, Есенин, например, говорил о Маяковском: «Он поэт для чего-то, а я поэт от чего-то. Не знаю сам, от чего... Он проживёт до 80 лет, ему памятник поставят... А я сдохну под забором, на котором его стихи расклеивают. И всё-таки я с ним не поменяюсь».

Тот памятный Григорию Лазо банкет был посвящён возвращению Владимира Маяковского из заграничной командировки. Естественно, его попросили почитать новые стихи. И Маяковский прочёл:

Я волком бы
выгрыз
бюрократизм.
К мандатам
почтения нету.
К любым
чертям с матерями
катись
любая бумажка.
Но эту...

Ему бурно аплодировали, его стихи всегда вызывали энтузиазм, чувство общности. И в этот момент кто-то обратился к Есенину.

- Ну а ты, Серёжа? Прочти что-нибудь!

После некоторых колебаний Есенин как-то печально улыбнулся и начал:

Ты жива ещё, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет.
Пусть струится над твоей избушкой

Тот вечерний несказанный свет...

Когда он закончил, никто не аплодировал. Все задумались, каждый о своём...

Вот два, безусловно, талантливых поэта, но каждый воздействовал словом по-своему. Маяковский был убеждён в том, что прошло время описывать то, что есть, он писал:

Надо
жизнь сначала
передумать, переделать,
переделав - можно воспевать.
Это время - трудновато для пера,
но скажите вы,
калеки и калекши,
где, когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легче?

Тот же И.Эренбург вспоминал: «Маяковский сокрушал не только красоту прошлого, но и себя самого; в этом величие его подвига, в этом и ключ к его трагедии...»

XX век, быть может, оказался последней по-настоящему героической страницей российской истории. Даже если Россия «вспрянет ото сна» и вернёт свои традиционные ценности - соборность, коллективизм, жертвенность, - она уже не будет той Советской Россией, где поэт был действительно больше, чем поэт.

Так ещё не было в XIX-м, когда поэзия от Александра Пушкина до Александра Блока была сферой интересов сравнительно узкого круга лиц. Так стало в XX-ом веке.

И хотя и в XX веке были поэты величайшей глубины и тонкости, как Борис Пастернак и Марина Цветаева, всё же это был век монументального, публичного слова и если XIX век в поэзии замкнули два Александра, то XX век в русской поэзии замкнули два Владимира: Маяковский и Высоцкий - при том, что рядом с ними можно поставить десяток поэтов не слабее.

Но выразителями исторического времени стали именно эти два Владимира. Они были действительно «больше, чем поэты». Маяковский прекрасно рисовал и выступал на эстраде, сыграл роль в своей трагедии «Маяковский», снялся в художественном фильме «Барышня и хулиган».

Высоцкий, как известно, был профессиональным актёром и популярным бардом, естественно, тоже снимался в кино. И самое главное, что они были выразителями тех настроений, которые преобладали в их время в обществе.

Маяковский отразил время торжества угнетённых, свергнувших власть «господ», это было время невиданного энтузиазма, веры в то, что справедливость торжествует, время радости за всё человечество, веры в то, что государство, которое создаётся - для трудящегося человека. Тогда Маяковский с полной уверенностью мог сказать: «...Моя милиция меня бережёт».

Мальчишка из его поэмы «Хорошо» спрашивает у собравшихся на субботник:

«Дяденька,
что вы делаете тут,
столько
больших дядей?»
- Что?
Социализм:
свободный труд
свободно
собранных людей.

Но вскоре стало ясно, что никакого социализма «свободно собранных людей» построить не удастся: геополитическая ситуация требовала от вождей молодого пролетарского государства

сделать невиданное - за десять лет изменить Россию так, как Запад изменился за века, иначе стране угрожала гибель от враждебного мира окружающих её капиталистических государств.

Пришлось сворачивать НЭП и действовать форсированными методами: создавать материально-техническую базу для того, чтобы выжить самостоятельно, без использования мирового сотрудничества, в условиях, практически, полной изоляции.

Возобладали командные, бюрократические методы, в которых выживают те, кто легко подлаживается под инструкции и приказы сверху.

Глашатаю Революции романтического её восприятия Маяковскому в этих условиях выжить было трудно: слишком уязвим он был в условиях, когда государство начало вмешиваться и регулировать творческий процесс.

Настало время других, более дисциплинированных поэтов. Этот поворот был трагедией не для одного Маяковского. Но Маяковский ушёл, как поэт - выстрелил себе в сердце.

Владимир Высоцкий стал выразителем совсем другого времени - периода заката героической эпохи. Начало его зрелого творчества ещё связано с героикой - это, прежде всего, цикл его песен о войне.

Но слишком негибко действовали наследники вождей Советского государства раннего периода. Если жёсткая командно-административная система, в рамках которой форсированно закладывался фундамент материально-технической базы социализма и шла война, была оправдана, то неумение выявить творческую инициативу и предприимчивость людей там, где это не угрожало основам советского государства, боязнь освободить общество от излишнего контроля и опеки тогда, когда люди ещё верили в реформируемость советской системы, привели к постепенному расколу общества.

70-80 годы были временем, когда государство уже воспринималось как нечто внешнее по отношению к человеку.

Поэтому фраза Маяковского о том, что «моя милиция меня бережёт», после того, как были обнаружены целые рабовладельческие государства в государстве (хлопковые империи в Узбекистане), когда разоблачили верхушку так и не сломленной мафии в МВД и посадили его министра Чурбанова (всего-то на 13 лет), иначе, как иронически не воспринималась.

Высоцкий хотел докричаться в своих песнях до совести людей, но всё было тщетно. Кто-то почивал на лаврах, кто-то рассказывал на кухне анекдоты про Брежнева и Черненко, а страна всё больше погрязала во лжи, идеи социализма и народовластия были дискредитированы. И виновата в этом была, прежде всего, правящая верхушка.

Легенды о «застое», когда известны цифры продолжавшегося роста производства (хоть и не такими темпами, как раньше), опровергают несостоятельность, или истощенность российской модели социализма.

Многие люди из тех, кто видел, что происходит, запивали. Высоцкий в театре и кино, где продолжали ставить спектакли и снимать фильмы о героях, уже несуществующих в жизни, был занят нечасто.

А между тем, его крупная личность могла бы принести на сцену и в кино нового героя - именно героя, пытающегося защитить отцовские идеалы. Но для этого надо было констатировать, что идеалы низвергнуты. Эта тема тогда была невозможна.

Рефлексирующая личность, невнятно против чего-то протестующая, в работах Олега Даля и Олега Янковского на экраны и сцену ещё как-то попадала, но цельная, масштабная личность Высоцкого могла легко нарушить «идиллию», при которой одни на что-то намекают, а другие делают вид, что не понимают.

Поэтому запил и Высоцкий, но к счастью, он ещё и запел. Не имея возможности выйти к народу со своим словом, Высоцкий стал народным поэтом через входивший тогда в быт магнитофон.

Его песни с быстротой молнии разлетались на плёнке по всему Советскому Союзу. Но в отличие от Маяковского, его герои уже потеряли возможность вступить в диалог с государством, им оставалось только написать «в Спортлото» (была такая игра, с которой, может быть, и начинали нынешние Мавроди и Чубайсы).

Он кричал, он хрипел и, в конце концов, надорвался. Его с удовольствием слушали те, над кем он смеялся или издевался, признавая за ним моральное право, говорить горькую правду. Но воспринимали его песни как некую отдушину, а не как толчок к действию. Состояние общества было уже совсем другим. Когда он умер, на его столе были найдены такие строки:

Мне меньше полувека –
  сорок с лишним,
Я жил, двенадцать лет собой
  и господом храним,
Мне есть, что спеть, представ
  перед Всевышним,
Мне есть, чем оправдаться

перед Ним.

Как часто мы не слышим наших учителей, проходим мимо истин, которые бы предохранили нас от многих глупостей...».

Продолжая введение к своей статье, я хочу остановиться также на своих комментариях при обсуждении статьи (мнения) протоиерея Михаила Ардова «А не сменить ли памятник», опубликованной в газете «Метро» от 29 июля 2011 года на сайте этой газеты metronews.ru. Статья была небольшая и поэтому я привожу её полностью:

«Площадь в Москве, которая находится на пересечении Садового кольца и Тверской улицы, издавна именовалась Триумфальной. В XVIII веке здесь устанавливались арки в честь въезжающих в город монархов. Первая – в 1721 году по случаю прибытия Петра I, а последняя в 1797-м, когда в Москву для коронации приехал Император Павел Петрович.

В 1935 году по распоряжению Сталина площадь стала называться Маяковской, дабы увековечить память «лучшего и талантливейшего поэта советской эпохи».

Ровно пятьдесят три года тому назад – 28 июля 1958 года - там был открыт памятник этому «горлану-главарю», а на постаменте запечатлены такие его строки:

*«И я, как весну человечества,
Рожденную в трудах и в бою,
Пою моё отечество
Республику мою!»*

В конце пятидесятых пространство перед памятником стало местом встреч и публичных выступлений молодежи. Там читались запрещенные стихи, звучали смелые политические речи...

Среди активных участников тогдашней «Маяковки» были те, кто впоследствии стали именоваться диссидентами - Владимир Буковский, Юрий Галансков, Владимир Осипов и многие другие.

КГБ, милиция и дружинники разгоняли и арестовывали молодых людей, и вот уже в начале шестидесятых «незаконные сборища» прекратились.

Однако же через полвека, в наши времена, когда Москвой управлял Юрий Лужков, конфликты между милицией и теми, кого можно назвать «новыми диссидентами», на Триумфальной возобновились.

Как видим, баталии на этом месте время от времени возникают, а по сему мне представляется разумным убрать с площади памятник Маяковскому. Ведь того «отечества», которое самозабвенно «пел» этот будущий самоубийца, более не существует.

А на самой Триумфальной и возле неё в новейшие времена возникло великое множество «кабаков»...

И вот я думаю: хорошо бы там соорудить монумент другому русскому поэту – Петру Васильевичу Шумахеру (1817–1891). А на постаменте начертать такие его строки:

*- Тятка! Эвон что народу
Собралось у кабака...
Ждут как-то все свободу...
Тятка, кто она така?
- Цыц! Никшни! Пущай гуторют,
Наше дело – сторона...
Как возьмут тебя, да вспорют!
Так узнаешь, кто она!»*

Особенно, в пользу того, чтобы «убрать» памятник, Михаил Ардов посчитал то, что та смерть, какую избрал себе поэт Маяковский, осуждается церковью одинаково для всех без исключения лиц, как не достойных не только отпевания, но и быть похороненными на церковных кладбищах. Да и к тому же, - «ведь того «отечества», которое самозабвенно «пел» этот будущий самоубийца, *уже больше* не существует».

С тем же успехом Михаил Ардов мог высказаться и о поэте Сергее Есенине и его памятнике, - даже слов осуждения не пришлось бы менять, – и этих было бы достаточно для обоих поэтов сразу.

Статья Михаила Ардова, при обсуждении вызвала различные трактовки о Владимире Маяковском, как поэте. Тут уж ничего не поделаешь, у каждого своё мнение, это не Владимир Высоцкий, о котором, судя по словам его самых фанатичных поклонников, должно быть только одно мнение – самый любимый народом поэт, да ещё с приставкой, что он является «совестью нации».

И самое главное на такой бред сивой кобылы, что кто-то может представлять совесть русского народа, или любого другого, вообще, мало кто обращает внимания, как на давно заезженный штамп, по отношению к таким одиозным личностям, как академик Андрей Сахаров или писатель Александр Солженицын.

Но суть откликов на статью Михаила Ардова склонялась больше к одному мнению, - «да, не лез бы ты батюшка, не в своё дело».

Я включился в обсуждение статьи, когда оно было в самом разгаре, после слов о поэте Петре Шумахере некоего «Игоря»:

- Не приведи господь! - третьесортный поэт, пишущий в лубочном стиле пропагандистской народнической литературы «а-ля русс» или «инда взопрели озимые. рассупонилось солнышко...», предлагается в качестве примера для подражания? - или мы настолько все деградировали, что в календаре российского менталитета ещё 20 век не наступил???

- Полноте, батюшка! - Окститесь! - Почитайте-ка проповеди отца (не помню крестильное имя), а в миру Кротова, – пишет, не в пример, лучше.

«Игорю» ответил «Физик»:

- Извините, вы сейчас о каком поэте? Ваша цитата из «Золотого телёнка» Ильфа и Петрова.

«Игорь»:

- Я не о поэте, а о стилистике. Как-то в перестройку с гласностью попался мне в руки свежепереизданный роман некоего давно забытого писателя-народника конца 19 века, который живописал крестьянский быт именно в стиле «инда взопрели...», а Ильф с Петровым это или нечто подобное явно в детстве читали.

После этих слов в обсуждение статьи со всеми участниками пришлось вступить мне, как человеку, который хорошо знаком с творчеством Владимира Маяковского и благодаря которому, по крайней мере, в последние годы, я также могу называть себя поэтом:

«Констатин Коханов»:

Михаилу Ардову и всем, кто не считает Маяковского поэтом, по сравнению с которым Владимир Высоцкий, лишь мальчик в коротких штанишках с пионерским галстуком на шее:

Сказал Христос, казалось ясно
Про Бога с Кесарем вполне,
И «церковь» спорит с ним напрасно,
Об Им заплаченной цене.

Что в «Русской церкви» есть от веры,
Коль смотрит «поп», как мерзкий плут,
И врёт безбожно и без меры
С крестом, приспущенным на пуп.

Мне сразу же ответил «Физик»:

- Причём здесь какие-то сравнения. - Я здесь не вижу никого, кто, что-либо плохое сказал о Высоцком, что отнюдь не умаляет Маяковского.

«Констатин Коханов»:

- Как вас задело это сравнение, даже передёрнуло. А я показал *только* масштаб творчества Маяковского, его воздействия на мировую культуру по сравнению с популярностью известного и любимого народом автора-исполнителя своих песен.

- Если бы Ардов сказал поставить вместо памятника Маяковскому - памятник Высоцкому, то что бы Вы на это сказали? - Или просто поцеловали бы крест на животе у этого хмыря в рясе, дискредитирующего православную церковь.

На мой вопрос «Физику», от него последовало два ответа с интервалом в 3,5 часа:

- Я бы сказал, что два великих поэта и рядом уживутся, и что чтобы увековечить Высоцкого вовсе не нужно сносить Маяковского (18:12:04).

- И, кстати, я не против памятника Шумахеру - почитал сейчас его стихи - есть вполне достойные, я против сноса памятника Маяковскому (21:53:29).

На этом мной было закончено обсуждение статьи Михаила Ардова, но некоторые комментарии к моим ответам всё-таки необходимо дать, а то опять по незнанию, меня ещё заодно обвинят в непочтительном отношении к Русской Православной Церкви.

Во-первых, вы должны знать, что «Русская церковь» в моей эпиграмме на Михаила Ардова, это не «Русская Православная Церковь» (РПЦ), а та, которая причисляет себя к православии - Российская Православная Автономная Церковь (РПАЦ).

А теперь о том, что за «мерзкий плут» этот «поп» сам Михаил Ардов? Заглянем для начала в его краткий послужной список:

Михаил Викторович Ардов родился 13 июня 1937 года в Москве. Русский писатель, публицист и мемуарист. До 1993 года он был священником в Русской Православной Церкви и служил в Ярославской и Московской епархиях.

Летом 1993 года Ардов вышел из юрисдикции Московского Патриархата и перешёл в Русскую Православную Церковь Заграницей (РПЦЗ), став клириком Суздальской епархии, возглавляемой Валентином (Русанцовым).

На этом он не остановился и в 1995 году становится клириком в Российской Православной Свободной Церкви (РПСЦ), а уже в 1998 году клириком Российской Православной Автономной Церкви административно-канонически независимой от Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ).

Таким образом, сейчас Михаил Ардов является представителем Российской православной автономной церкви (сокращённо РПАЦ) - по сути одной из многочисленных религиозных организаций неканонического (альтернативного) православного направления или толка, не имеющей к Русской Православной Церкви (РПЦ) никакого отношения и не признана ни одной из поместных православных Церквей.

Не смотря на это, РПАЦ рассматривает себя, как законного наследника исторической Русской Православной Церкви. В то же время, РПЦ, не вступая в отношения с РПАЦ, называет эту религиозную организацию, «суздальскими раскольниками».

Следует отметить, такую интересную деталь, характеризующую личность этого «альтернативного» религиозного деятеля, как его отношение к Великой Отечественной Войне. Посмотрим, как он выражает публично, не столько ненависть к И.В.Сталину и ко всему сталинскому тоталитарному режиму, сколько вообще к исторической памяти всего русского народа, рассыпаясь в симпатиях к тем, кто воевал или был союзником Адольфа Гитлера. Ну, как иначе можно расценивать то, что он сказал в своём скандальном интервью редактору интернет-издания «Русское ревью» Сергею Филатову, накануне «Дня Победы», в мае 2005 года:

«...II Мировая война, безусловно, является одним из значительнейших событий XX века. Но я избегаю слова не только «Великая», но даже «Победа». Слишком много зла пришло в мир вместе с торжеством сталинизма. Для Православия это событие особенно прискорбно тем, что в результате войны прекратили существование три православные монархии - в Болгарии, Румынии

и Королевстве сербов и хорватов. Церкви этих стран превратились в такое же ничтожество, каким уже была Московская патриархия - игрушки в руках всё той же Лубянки».

При этом, как лицемер и провокатор, Михаил Ардов не упоминает, что Болгария была союзником фашистской Германии, а румыны и хорваты вообще воевали против СССР на стороне немцев. Болгария, которая официально вступила во Вторую мировую войну на стороне Германии, Италии и Японии 13 декабря 1941 года, объявив войну США и Великобритании, не воевала против СССР, только потому, что царь Борис испугался бросить свою армию на советско-германский фронт, потому что тогда ещё были велики симпатии народа Болгарии к русскому народу, освободившего его от турецкого ига.

Поэтому считать, что прекращение существования этих трёх, по сути, преступных православных монархий» (исключительно по вине И.В.Сталина) безнравственным для всего Православия, это одно и то же, что самому Михаилу Ардову сожалеть сейчас о крахе «Третьего Рейха». И при этом, основываясь только на том, что Адольф Гитлер мог сокрушить сталинский режим и, забывая сказать, чтобы заодно навсегда стереть из памяти «прореженного новым порядком» человечества, упоминание о русском народе.

Но мы, может показаться, отклонились от основной темы и у кого-то снова чешутся кулаки, чтобы отомстить мне за Владимира Высоцкого, которого я, защищая памятник Владимиру Маяковскому, назвал «мальчиком в коротких штанишках с пионерским галстуком на шее. Успокойтесь, это я говорил о Владимире Высоцком, как о поэте, а не о любимом народом авторе-исполнителе своих песен.

Если бы я, в ряду исполнителей авторских песен, поставил Владимира Маяковского, то по сравнению с Владимиром Высоцким, он выглядел бы там «мальчиком вообще без штанишек», что лишний раз напоминает Вам, что нельзя сравнивать несопоставимое, как нельзя в треугольную рамку, вставить прямоугольное стекло. Либо рамку сломаешь, либо стекло разобьёшь, и будешь выглядеть со стороны, явно ненормальным человеком, но, как говорится, бумага всё стерпит, и попытки в этом направлении, только с каждым годом увеличиваются, так что спорить с кем-то по этому поводу, у меня нет больше никакого желания.

Если же рассматривать творчество Владимира Высоцкого, то уж только там, где его можно считать именно основоположником, а не родоначальником «нового риторического жанра в музыкальном или песенном отображении поэзии».

А в этом жанре у Владимира Высоцкого были не менее талантливые предшественники, как Булат Окуджава и Александр Галич, и много других, близких к его жанру исполнения песен, хотя и на определённой от него дистанции, известных авторов-исполнителей. Не сравнивая их по значимости и по популярности, приведу несколько фамилий в алфавитном порядке, и то лишь из числа тех, песни которых, пел сам.

Это Александр Городницкий, Юрий Визбор и Юрий Кукин, а дальше я просто ставлю многоточие, которое в любой последовательности могут заполнить читатели этой статьи, потому что о вкусах не спорят, да и навязывать свои вкусы другим, бесполезное и неблагодарное занятие. Но об этом мной будет рассказано в соответствующих главах этой статьи. Заканчивая введение в свою статью, только хочу отметить, что как все известные советские писатели, примерили на себе «Шинель» Николая Васильевича Гоголя, так и все советские барды «причесали свои уши» в парикмахерской Владимира Владимировича Маяковского. Но это многим мало помогло, и они вышли из этой парикмахерской, чтобы показать всем небритое лицо своего времени, нашего советского прошлого. И, как бы сейчас его не осуждали, всё-таки оно вызывает в нас, живших тогда людях и сочувствие, и улыбку, и неподдельную радость и горечь потерь, и пусть минутную, но гордость, что хотя бы в чём-то мы были впереди планеты всей, хотя и не на земле, а на пути к звёздам.

«Времена не выбирают, в них живут и умирают», - сказал поэт Александр Кушнер. Казалось бы, дальше и говорить, собственно нечего, а я всё-таки смотрю немного иначе, чем этот поэт, сказавший дальше, - «большей пошлости на свете // нет, чем кланчить и

пенять, // будто можно те на эти, // как на рынке, поменять», - применительно к тексту, написав другое продолжение:

«Времена не выбирают,
В них живут и умирают»,
И роль, какую кто сыграет,
Не нам оценивать дано,
Казалось, было всё давно,
Не скрипка старая играет,
И расслабляет, как вино:
Звучит гитара, полон зал,
И что-то бард недосказал,
И вместо трёх аккордов пара,
Там до сердечного удара.

Сравнивая судьбу Владимира Высоцкого с судьбой поэта Василия Тредиаковского, в 1766 году, издавшего свою «Тилемахиду» и высмеянного современниками, можно сказать, что жизнь самого популярного в Советском Союзе барда, была просто сказочной, по сравнению с жизнью умершего в нищете писателя и академика.

Всенародную славу и известность, Владимир Высоцкий приобрёл, после «позора» Василия Тредиаковского через 200 лет, в 1966 году, сразу же после съёмок, поставленного режиссёрами Станиславом Говорухиным и Борисом Дуровым фильма «Вертикаль» (премьера 19 июня 1967 года). О такой славе современник Михаила Ломоносова, который считал своего коллегу по академии, чуть ли не дураком, конечно, даже не мог мечтать. В то же время и Владимир Высоцкий никогда не испытывал таких унижений, какие преследовали Василия Тредиаковского всю его жизнь. И это такого человека, о котором Александр Сергеевич Пушкин, впоследствии, сказал, что «он имел в русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков».

Разве можно было бы хотя бы отдаленно представить, чтобы Владимир Высоцкий при поднесении, кому-то своих песен, так же, как Василий Тредиаковский при поднесении своих од императрице Анне Иоанновне, полз бы на коленях от дверей тронного зала до её трона.

Или, чтобы он был избит только за то, что не так, как следовало бы, выразился, о ком-то или о чём-то, в своих песнях?

4 февраля 1740 года кабинет-министр Артемий Волынский избил беззащитного писателя, получившего приказание сочинить вирши к «дурацкой» свадьбе шута князя Голицина с калмычкой Бужаниновой. Тредиаковский долго жаловался на Волынского «за бесчестье и увечье», но его просьба была удовлетворена только после казни обидчика 27 июня 1740 года, и он получил компенсацию в 360 рублей (лошадь и корова в то время стоила 1-2 рубля) из конфискованных у него средств.

Деньги по тем временам немалые, если в начале 18 века (1704 год) рубль в пересчёте на курс 2009 года составлял 5000 рублей, а в конце (1800 год) – 2000 рублей, то это составило от 1800000 до 720000 рублей. Скорее всего, эта «компенсация» за зверское избиение, составила около миллиона рублей, что по нашим меркам для кого-то смешно, а для кого-то сверх его мечтаний.

В академии, как у профессора, с 1742 года у Тредиаковского было жалованье 660 рублей, которое выплачивалось, правда, не всегда полностью и не регулярно, иногда всего 1/3 треть, иногда 2/3, как и Михаилу Ломоносову, и то после унижительных просьб в виде разовых выплат по 5-10 рублей.

В этом отношении Владимир Высоцкий в последнее десятилетие (1970-1980) своей жизни, можно считать, исходя из мерок того времени, был вполне обеспеченным человеком. Получая в театре регулярно зарплату в 150 рублей (рубль в пересчёте на 2009

года в 1970 году – 70 рублей, в 1980 – 55 рублей), то есть 10500 – 8250 рублей, он выступал со своими сольными концертами, которых у него в течение жизни, было более тысячи. За эти концерты, при официальной ставке 112 рублей за концерт, Владимир Высоцкий фактически получал, как минимум в два раза больше, за счёт всяких хитроумных финансовых уловок и положенных ему за это доплат.

Так, например, за 22 концерта в Калининграде, он за пять дней, с 18 по 22 июня 1980 года, получил 6000 рублей, что в пересчёте на 2009 год составляет 330000 рублей.

Только разве можно было назвать эти «гастроли» Владимира Высоцкого сольными концертами – это было самое настоящее зверское самоизбиение певца самим собой, словно на ринге, на сцене перед зрителями, которое закончилось в последнем раунде, на 22 концерте, нокаутом. На том последнем концерте, после первого же удара пальцами по струнам гитары, Владимир Высоцкий впервые понял, что уже не сможет петь в полную силу, да и, скорей всего, петь даже вполголоса, хотя и попробовал, правда, не совсем удачно, оправдаться перед пятью тысячами зрителей, плохим состоянием своего здоровья.

Самое странное, несмотря на большое количество, присутствующих на том последнем концерте зрителей, точно неизвестно, как закончился этот концерт, превращённый Владимиром Высоцким в творческий вечер. Кто-то говорит аплодисментами, переходящими в овации, а кто-то, пишет в «мемуарах», что «творческий вечер» закончился неожиданным уходом Высоцком со сцены, после выкриков из зала, - кончай болтать и начинай петь! - при гробовом молчании, «с гордо поднятой головой».

Вот только после своего избиения Артемием Вольтером в 1740 году поэт Василий Кириллович Тредиаковский прожил ещё 29 лет (умер 6 августа 1769 года), а наш Владимир Семёнович Высоцкий, после своего окончательного «самоизбиения» в Калининграде 22 июня 1980 года, как творческая личность прожил тоже 29-ть, но только не лет, а дней. А оставшиеся, отведённые ему судьбой ещё 4 дня, он провёл в состоянии не всегда адекватного восприятия жизни, которая поддерживалась в его теле, только исключительно сильнодействующими лекарственными средствами.

Не смотря на это, в отличие от поэта Тредиаковского, Владимир Высоцкий был счастливым человеком. И это не моё или чьё-нибудь личное мнение. Об этом он говорит сам, в своей статье «О трудностях в творчестве»:

«Я просто в этом смысле счастливый человек: потому что, в общем, мои произведения никто никогда не разрешал, но никто никогда не запрещал. Ведь как ни странно, так случилось, что, в общем, я – человек, которого знают все, и в то же время я не считаюсь официально поэтом и не считаюсь официально певцом, потому что я – ни то, ни другое.

Я не член Союза Писателей, не член Союза композиторов – то есть в принципе официально я не поэт и не композитор. И я никогда почти свои вещи не отдавал для того, чтобы их печатать, или для того, чтобы издавать это, как музыкальные произведения, поэтому мне нет смысла заниматься автоцензурой, понимаете?

Что я написал – сразу спел. И ещё – спел перед громадной аудиторией. И перед своими друзьями, которые для меня – самый главный цензор. В общем, мой цензор, я думаю, - это моя совесть и мои самые близкие друзья, я бы так сказал.

...Практически таких песен, которые я не исполняю в выступлениях, нет. Потом у меня сейчас есть возможность работать на очень больших аудиториях – иногда перед пятью тысячами человек, и несколько раз в день: я езжу от филармонии, скажем, от какой-нибудь Осетинской...

Это им очень выгодно, потому что я им приношу большую прибыль, и мне это очень интересно, потому что я всегда нуждаюсь в аудитории, которая меня слушает.

И чем большему количеству людей я могу рассказать о том, что меня беспокоит и волнует, тем мне лучше.

Но я никогда не делаю разницы между своими выступлениями, если можно сказать официальными, между тем, когда я пою на больших аудиториях, и – когда я пою своим друзьям. То есть песен, которых я не пою, практически нет...» («Воспоминая Владимира Высоцкого», Москва, Советская Россия, 1989, стр.128-129).

Заканчивая введение к этой статье, я, учитывая критику в свой адрес со стороны тех, кто осудил все мои три предыдущие «статьи» о Владимире Высоцком, выражу, своей

песней, своё и, скорее всего, близкое всем мнение, об этом человеке. Без него история России (СССР) 1970-х годов XX века, была бы отражена в памяти русского (советского) народа, либо чересчур негативно, либо не в меру привлекательно:

У Высоцкого песен не мало, -
Обо всех, что не знаешь сказать, -
Петь какие-то, можно сначала,
А какие-то, лучше не знать.

Не считаю Высоцкого мёртвым,
И Семёнычем звать не могу,
И поэтом назвать первосортным,
Никогда, - потому что, солгу.

Он не лезет в привычные рамки,
И не каждый сегодня поймёт,
Что он пел, и хрипел, как подранки,
Синих птиц, добываемых в лёт.

А теперь «все друзья», как поганки,
От него, облепили весь пень,
И не помнят, его, как подранка,
Кто добил, добивав, каждый день.